

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-13>
УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЙ КРЕДИТ И РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ

Мартыненко В.В.

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук*

Аннотация. Статья посвящена анализу российских реформаторских практик в контексте разрабатываемой автором теории социального кредита. Как отмечает автор, проблемы наших реформ наталкивались и наталкиваются на понимание того, какими моделями мы оперируем в своей реформаторской деятельности, на понимание элементов этой модели, призванных ответить на вопросы: И что такое государство, и что такое налоги, и что такое общество? Иногда реформаторы забывают об интересах будущих поколений, не осознавая, в рамках какой модели следует строить экономическую политику. Именно здесь и возникает проблема анализа кредита как доверительного акта, который соединяет усилия субъектов экономической деятельности, соединяет членов общества. Социальный кредит – это обустройство общества, это структура общества. Теория социального кредита как раз и является такой научной моделью для реализации реформаторских проектов. Автор обосновывает ее в новой научной дисциплине – кредитологии, дающей инновационный анализ философско-социологической проблематики государства и государственных сообществ, восстанавливающей осмысленность кредитной экзистенции *homo politicus*. При разработке теории социального кредита мы подчеркиваем, что любые взаимоотношения в обществе носят кредитный, доверительный характер: не опускаясь до кредита как экономического инструмента, эти взаимоотношения представляют собой более глубокую социальную композицию. В этой связи важно дать по-настоящему современное прочтение учения о соотношении социального кредита и денежной реформы: анализ основных его мотивов сосредоточен на проблемах, которые стали ключевыми уже давно.

Ключевые слова: кредит, государство, общество, реформа, экономика, деньги, финансы.

SOCIAL CREDIT AND RUSSIAN REFORMS

Vladimir V. Martynenko

Federal Research Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian reform practices in the context of the theory of social credit developed by the author. In general, the problems of our reforms have encountered and are encountering an understanding of what models we use in our reform activities, an understanding of the elements of this model designed to answer the questions: what is the state, what are taxes, and what is society. Sometimes reformers forget about the interests of future generations, not realizing within which model economic policy should be built. This is where the problem of analyzing credit as a trust deed arises, which unites the efforts of economic entities, connects members of society. Social credit is the organization of society, it is the structure of society. The theory of social credit is just such a scientific model for the implementation of reform projects, the author substantiates it in a new scientific discipline – creditology, which provides an innovative analysis of the philosophical and sociological problems of the state and state communities, restoring the meaningfulness of the credit existence of *homo politicus*. Developing the theory of social credit, we emphasize that any relationship in society is of a credit, trust-based nature, without stooping to credit as an economic instrument, these relationships represent a deeper social composition. In this regard, it is important to give a truly modern interpretation of the doctrine of the relationship between social credit and monetary reform: the analysis of its main motives focuses on problems that have become key in recent centuries.

Key words: credit, state, society, reform, economy, money, finance

Введение. Научное обсуждение проблематики российского реформирования опирается в

проблему его смысла: Ради чего, собственно, проводятся реформы? Не ради же самих реформ! Они

осуществляются с целью получения тех социальных результатов, которые закладываются в их основание. А любой результат мыслится и прогнозируется в рамках той модели, выбор которой позволяет работать в реформируемом сообществе.

И все проблемы политических, экономических, в том числе денежных и тому подобных реформ, начиная со времен Российской империи, кончая советским и современным периодами времени, наталкивались и наталкиваются на понимание того, какими моделями мы оперируем в своей реформаторской деятельности и что в рамках этих моделей можем реализовать.

Так, в советское время существовали различные модели отказа от денег, которые приводили и к инфляции, и к натуральному обмену; модели постсоветского периода, связанные с развалом экономики, бартерами и другими негативными явлениями, исходили из определенного понимания, которое в тот период вкладывалось в понятие «государственности», в понятие «логистика государственных процессов и социальной жизни». Но исследователи подобных явлений слабо осознают, что к их оформлению относится феномен и терминология страховки. Речь идет о перераспределении социальных платежей, как бы их ни называли – «формирующими бюджет» или «страховыми» платежами. По сути, государство как страховая компания перераспределяет их в интересах тех или иных выгодополучателей. И это имеет непосредственное отношение к реформаторской активности. Говорится, что все реформы вроде бы идут у нас или сверху, или снизу, но, на самом деле, они идут непонятно откуда. А это всегда упирается в ситуационную модель, в понимание ее элементов: и что такое государство, и что такое налоги, и что такое общество.

Обсуждение. Сейчас многие любят употреблять терминологическую конструкцию «институты гражданского общества», при этом мало кто понимает, что такое «институты», что такое «гражданское», что такое «общество». Чаще всего, такие терминологические конструкции обсуждают на уровне эмоций, метафор или каких-то фантазий о должном: типа «государство должно», «государство обязано» или, как провозглашают коммунисты, «у нас и то должно быть бесплатно, и то должно быть бесплатно», хотя и они понимают, что за бесплатное все платят.

Любая льготная программа государства – это только красивое название, а финансируется она за счёт других программ. Вся проблема заключается в том, что государство распределяет свой бюджет в пользу одних членов общества за

счёт других; формально у государства есть функция, как у страховой компании, перераспределить средства в пользу тех, кого застраховали. При необходимости стимулировать какие-то экономические начинания, государство вынуждено это делать без общего ситуационного моделирования, без понимания, какими могут быть последствия реализации таких моделей. Но проблема заключается в том, что реформаторы не учитывают индекс этого моделирования, не понимают, в рамках какой модели общества, государства и функционирования экономики мы действуем. И самая плохая черта сегодняшней ситуации заключается в следующем: нет понимания, что экономические субъекты разделены за счёт разных режимов в налогообложении.

С одной стороны, вроде бы - это стимулирующие налоговые преференции, с другой – они разрезают всё экономическое поле государственной экономики или российской экономики. То есть, условно говоря, даже посредством налога на добавленную стоимость (НДС) поле экономики разрезается: одни организации этот налог платят, а другие – нет. При таком положении дел организации не могут взаимодействовать между собой, потому что нет непрерывности экономического пространства, нет соединения их экономической деятельности. В качестве примера можно привести отмену налога на добавленную стоимость для IT-компаний. Если сегодня крупная организация планирует заключить с IT-компанией договор, она фактически должна ещё раз уплатить за неё НДС. То есть, весь расход на программное обеспечение ещё должен облагаться двадцатипроцентным налогом. Именно это есть следствие уже упоминавшийся, как бы, разрезанности экономического пространства. Поэтому следует еще и еще раз продумать, как всё свести к единому базису, чтобы не было подобных разрывов и провалов в экономике. Как говорится, «благими намерениями вымощена дорога в ад». Так и здесь: власти предоставляют определенные преференции конкретным компаниям, а о том, что это наносит вред единому экономическому пространству, никто не думает. Об интересах будущих поколений забывают, не понимая, в рамках какой модели следует строить экономическую политику. Именно здесь и возникает проблема анализа кредита как доверительного акта, который соединяет усилия субъектов экономической деятельности, соединяет членов общества.

Теория социального кредита, как раз, и является такой научной моделью для реализации реформаторских проектов. Мы обосновываем её в

новой научной дисциплине – кредитологии, дающей инновационный анализ философско-социологической проблематики государства и государственных сообществ, восстанавливающей осмысленность кредитной экзистенции *homo politicus*.

Сам кредит – это баланс всей человеческой мысли и деятельности; он представляет собой не только социальный предикат, но и социальный субъект, выступая своего рода экспертом реформаторских практик. В этом смысле, кредит есть мера, происходящих в обществе изменений, преобразований, реформ. По сути, кредит выдает метрику обществу, конституирует алгоритм реформирования.

С помощью определенных категорий кредитологии (баланс и т.д.) воспроизводится почти математически точная мера социальных явлений, выстраивается система показателей и больших данных, которые характеризуют структурное соотношение или подвижное равновесие в постоянно изменяющейся социальной целостности. Эта мера выражает динамическое единство качественной и количественной определенностей социального объекта, схватываемых кредитным разумом и переосмысливаемых реформаторскими установками.

В истории мысли не раз предпринимались попытки уточнить социальный статус кредита, его нормативную структуру; не раз пересматривались методологические приоритеты его исследования. Однако при этом сам кредит страховал свою культурно-историческую идентичность, реформаторский код.

Теоретический каркас кредитологии актуализируется в условиях жёсткого противостояния политических систем в современном мире. Правда, сама его актуализация осмысливается сегодня в довольно мифологической тональности – например, в суждениях об институциональной риторике как условии удержания политического пространства, интенсивном сворачивании политического поля России. Но такая мифология далека от понимания сущности политического. Она сводится, по сути, к представлениям об определенных политических технологиях, которые, если основываться на узкой их трактовке, вряд ли смогут налаживать социальные связи, структурировать реформаторский процесс.

Государство – это не просто определенная форма правления. В нашем представлении, государство – это политическая форма кредитной самоорганизации общества, обеспечивающая реализацию страховых возможностей экзистенциального порядка, осуществление реформаторских

инициатив.

Фундаментальные изменения, своего рода, протореформы дают о себе знать уже на первых этапах формирования государства. Говоря о происхождении государства, важно указать на элементы, затрудняющие понимание устройства государственнообразующей и кредитнообразующей активности первобытных народов.

Если мы проведем исследование уз кровного родства как таковых, мы обнаружим в них изначальную естественно-социальную форму кредитных связей, участвующих в реформировании политического строя древности.

Мы также выявим, притаившуюся на заднем плане, территориальную детерминанту, не только лежащую в основе проявления родственных чувств, но и являющуюся местом для поиска кредитных устоев. Именно на этом месте родственные чувства стали кредитными теоретиками.

Абстрактно разделенные непроходимой пропастью, два типа союзов – союз соседей и союз родственников – в действительности, переплетаются друг с другом, задавая тем самым кредитную ткань протосоциальности, ее структурных преобразований.

«Основная проблема происхождения государства заключается не в том, чтобы объяснить культбит, который древние народы сделали от системы управления, основанной на личных отношениях, к управлению, основанному только на территориальности. Вопрос скорее в том, чтобы показать, какие процессы укрепляли территориальные связи, которые следует признать не менее древними, чем принцип соперничества» [2, с.84].

Государствообразующий потенциал древности можно обозначить и таким типом социальной активности, который сопряжен с деятельностью кредитных ассоциаций как групп, сплоченных общей целью в деле реформ. Эти группы включают в себя представителей разных семей и разных городов. В некоторых промежуточных ассоциациях осуществлялось кредитование одного лица другим; так, например, богатый человек мог купить своему сыну продвижение в высшую группу. В некоторых частях Южной Нигерии ни один человек не мог стать членом старшей группы – своего рода кредитного клуба, если он не мог предьявить голову убитого им врага. У полубанту этот клуб мог быть открыт для всех, кто готов заплатить вступительный взнос – прообраз некой кредитной кассы, позволяющей финансировать преобразования.

«Едва ли потребуется тщательное исследование, чтобы убедиться в том, что эти многочисленные типы ассоциаций имеют очень разные влияния на развитие государственности. Остается, однако, с некоторой долей точности определить, какие ассоциации носят потенциально политический характер, а какие нет» [2, с.91].

Потенциально, политический характер носят, прежде всего, кредитные или кредитоподобные ассоциации. В определенной мере, сходную роль играют, как показывают исследователи, тайные сообщества у некоторых племен суданских земледельцев: членство в этих сообществах является необходимой предпосылкой для вступления в брак, получения должности, участия в религиозной деятельности и даже для почетного погребения.

По сути, всё перечисленное можно отнести к предпосылкам реформирования социальной ткани. О кредитных структурах их деятельности свидетельствуют, в частности, операции с долгами. Так, новоявленные члены этих сообществ должны были отведать священного вещества, дать обет хранить в секрете все ритуалы, свидетельства которых они стали, и получить новое имя, которое автоматически снимает с них ответственность за сделанные под старым именем долги. Скажем, африканское племя экои не представляет собой строго монархической системы правления. Хотя их вождь – лишь номинальная фигура, как у их соседей, но основная власть находится в руках совета старейшин. Глава Эгбо – общества, соответствующего ассоциации, безусловно, самый могущественный человек племени, поскольку ассоциация «узурпировала практически все функции правительства, сделала торговлю почти невозможной для не входящих и осуществляет глубокое влияние на религиозную и мистическую жизнь нации. Эгбо, например, наказывает за воровство, собирает долги от имени своих членов и осуществляет телесные наказания – порку кнутом неиницированных людей, оскорбивших организацию» [2, с.100-101]. Кредитные связи вырастают из обязанностей членов племени оказывать взаимную помощь друг другу, что дает возможность преобразовывать племенное поле.

Результаты. Мы подходим к построению системы государства как системы «универсального конститутивного синтеза» (Эдмунд Гуссерль), позволяющего ухватить многомерные процессы формирования кредитным сознанием социальных, экономических, юридических, психологических, культурных целостностей, кото-

рые непосредственно сказываются на реформаторских процессах.

В границах указанной науки, мы выявляем условия возможности того, как думать кредитом и как думать кредит. Если перефразировать известное определение, то можно сказать, что сама политика есть искусство кредитно возможного.

Кредитология есть междисциплинарное научное знание, объединяющее практическую и прикладную философию, математическую философию и логику (в их социальном приложении), а также – целый комплекс социальных и гуманитарных наук, позволяющих всесторонне рассматривать реформаторский пейзаж общества.

Фундаментальной задачей самой философии, как практической, так и теоретической, является поиск единства мира; в решении этой задачи она совпадает с математикой.

Если говорить о социальных импликациях, то здесь во весь рост встает проблема поиска единства социального мира, единства социальных наук. В современных исследованиях эта тема нередко отходит на второй план, так как пока не удастся найти своего рода монаду (понятие единого), служащую условием возможности социального знания, реформаторского целеполагания.

В результате многолетних исследований мы пришли к выводу о том, что такой монадой может служить понятие «кредит» – не в его обыденном, но в его теоретическом понимании – как методологического принципа, положенного в основание социальных теорий, как принципа взаимодействия различных научных дисциплин, направленных на постижение природы общества.

Кредит создает внутренние механизмы осуществления реформаторского акта. Это понятие служит объединяющей чертой все расширяющегося многообразия социальных теорий и концепций. Социальная энтелехия кредита ориентирует на формирование целостного взгляда не только в области социальной мысли, но и социальной практики, новых структур социального опыта, самой реформаторской активности; она удерживает социальные вещи в их политическом, страховом и денежном бытии.

Кредит – это не просто экономическая или финансовая операция. Если мыслить его социально-философски, то нетрудно усмотреть в нем способ генерации социальных связей, историю становления политической очевидности, явления государства, его реформаторских усилий.

В нашем представлении, государство – это политическая форма кредитной самоорганизации

общества, обеспечивающая реализацию страховых возможностей экзистенциального порядка.

В то же время, государство – это и страховая конструкция, которая должна минимизировать социальные риски, распределять их и перестраховывать, а, следовательно, и преобразовывать общество. Сюда входят, например, риски от технологических катастроф, природных катастроф, голода и других бедствий.

В.И. Вернадский создавал кадастры и запасы семян, которыми мы до сих пор пользуемся. Даже во время войны их не использовали, потому что это была наша страховка с точки зрения реализации продовольственных программ.

Возможно, политика опережает сегодня другие формы осмысления социальной реальности, поэтому так важно отразить эти формы через структуры кредитной концепции.

Вопрос о политическом – это вопрос о некой изначальной социальной структуре, которой позволяет понять обоснованная нами кредитная когнитивистика, открывающая социокод реформирования.

Кредитология представляет собой естественно-аксиологическую дисциплинарную матрицу, в сердцевине которой находится понятие доверия, включающее доверие общества к реформаторским начинаниям. К его анализу издавна обращалась философская мысль. Но в самих философских исследованиях разработка данного понятия не доводится до кредитного уровня, его связи с политическим пространством.

На самом деле, доверие – это потенциал развития общества, его продвижения по пути реформ. Оно представляет собой сознательную оценку социальных рисков и их страховку. Поэтому и возникают социальные группы, общины, выступающие гарантами этого доверия. Даже количество золота в монете – это тоже гарантия степени, величины кредитного инструмента, то есть контракта.

Отталкиваясь от политических установок, от критики социального статуса политики, мы попытались создать своего рода метрическую многомерную «геометрию» социального мира, представляющую его не только как объединение социальных субъектов, но и как сложное пространство с заданной мерой – «мерой общества», обобщающей в том числе и результаты измерения политического дискурса, конфигурацию реформ. Открытие такого пространства – это действие, которое требует реформы самой науки, перестройки предшествующей социальной теории в самом её фун-

даменте; требует заново научиться тому, что, собственно, может означать основание социальности. Именно в кредите мы находим такую основу для познания общества, на которую можно было бы положиться.

Предложенная нами уникальная гипотеза исходит из того, что только кредитные установки теоретического мышления позволяют сформировать адекватную модель общества. Поэтому, задумываясь о кредите, мы размышляем о тех внутренних глубинных условиях, которые должны существовать, чтобы социальный процесс вообще был возможен.

Кредит имеет отношение к вопросу: Как устроен социальный мир? Социальные и кредитные структуры проходят друг сквозь друга. Если мы имеем кредитное уравнение социальности, то мы познаем ее в совершенстве, эффективно реформируем.

Математическая логика способствует выявлению алгоритма коллективных решений кредитного уровня, которые могут справляться с задачами, непосильными для индивидуального сознательного поведения, предназначенными для усиления интенсивности социальных связей. Концепция кредита описывает естественно-когнитивный способ связи индивидуального и коллективного (используя термин Дэвида Блума, это, своего рода, «когнитивный коллективизм» кредитного региона); даёт эпистемическую оценку кредитных практик, исходя из внутреннего дуализма – дуализма социальной механики прав и концепции поля обязанностей. Обязательства, обязанности необходимы для того, чтобы субъект мог стать коллективным и осуществить свои права. Кадастр баланса прав и обязанностей создаёт предпосылки для функционирования коллективного в динамике, а, следовательно, во времени истории.

Содержательно, эти структуры в нашей теории модифицируются, обретая статус специфических социальных групп. Динамический потенциал существования общества в истории всегда является обобщённым и векторным, определяющим альтруизм социальных субъектов. Положительные балансы их деятельности развивают само общество, стимулируют реформы, не требуя выполнения обязательств по предоставленным им правам, а только фиксируя их с возможностью исполнения в будущем.

Права и обязательства охватывают весь спектр многообразной деятельности – от культурологического и интеллектуального до практического, знаниевого и фундаментально научного, включая и профессиональные свободы. Человек

кредитуется только как социальное существо, а сам кредит, сформировавшийся исторически, требует своего обновления в каждый новый момент истории.

Кредитная рациональность предполагает социальность, а социальность невозможна без кредитной рациональности. Кредит открыт не отдельным субъектом, но коллективным разумом; он является результатом коллективного творчества. Сама коллективность представляется социальной общностью, описываемой теорией кредита как ее глубинного измерения.

Эта теория выявляет уникальные характеристики социальных взаимодействий, в результате которых проявляются свойства новой балансовой методологии социальных наук как совокупности приёмов и операций для построения фундаментальной системы социального баланса прав и обязанностей.

Каждый человек с момента своего рождения непосредственно включается в коллективную целостность. Способ его вхождения в коллективность определяется как раз уже его балансом прав и обязанностей, который со временем наполняется: сначала этот баланс нулевой, затем он становится отрицательным или положительным.

Кредитные установки важны и для развития политического сознания. Они дают возможность по-другому мыслить и политику, и общество, проникая в существо реформаторского действия. Искомая «мера» общества должна представлять собой универсальное правило социального взаимодействия. Другими словами, «мера общества» – это алгоритм, позволяющий в динамике измерять «расстояние» между социальными субъектами (их различными объединениями), а на пространстве между ними, совместно с заданной «арифметикой», фактически структурировать указанные объединения. Сам же алгоритм, как говорил академик А.Н. Колмогоров, означает, что теоретически мы пытаемся делать то, что можно, – как нужно, и это своего рода образец того, как следует делать реформы.

В современных философских исследованиях начинает анализироваться проблематика социальных вычислений, но, когда знакомишься с результатами этих исследований, сразу возникает масса вопросов, например, в рамках какой социальной модели ведутся эти вычисления. Ведь, они ведутся для того, чтобы разрешить какую-то модель, получить определенный результат. Но сегодня нет модели, которая описывает социальность. И мы делаем первый шаг к построению такой модели.

В нашем представлении социальные связи – это кредитные функции, с которыми люди умеют работать. Например, и банковская система всего мира, и все домохозяйства всегда считают балансы, свои взаимоотношения с партнёрами. Фактически, речь идет о балансовой модели социальности.

Дмитрий Менделеев, размышляя о свободе в своём духовном завещании будущим поколениям – книге «Заветные мысли», писал: «Признавая, что свобода в ее основах много приобрела от революций, утверждаю, что только развитие просвещения и промышленности её развило, развивает и развивать будет, от тирании предохранит, незыблемой поставит и права с обязанностями уравновесит» [3, с.405]. И, добавим, на путь преобразований наставит. А система прав и обязанностей, структурированная во времени, и даёт нам сущность денег как социальной категории.

Баланс прав и обязанностей – как сущность «меры общества» – является основным правилом, его структурирующим. Это и позволяет выявить каналы кредитных связей, адекватно воспроизвести их в теории государства. Такой подход не позволяет нам воспринимать социальный кредит в упрощённом экономическом нарративе.

В обществе, в его истории есть некоторые упорядоченные структуры, которые мы называем кредитными. Они имеют свои законы жизни и существуют в зависимости от того, насколько интенсивные усилия совершают люди, чтобы эти кредитные структуры действовали объективно. Кредит – это словарь, социально выстраивающий мир, мир общества. А деньги – словарные статьи, наполняющие этот мир смыслом полноценного существования человечества.

Итак, философская сущность кредита представляет собой функцию взаимодействия социальных субъектов или их доверителей (банковский кредит – это простейший частный случай такого взаимодействия), в поле которого и рождаются реформаторские идеи.

Или возьмём другой пример – рутинный «подходный налог». В идеале, он предназначен для страхового стимулирования возможностей социальных субъектов, баланс прав и обязанностей которых по отношению к общественному балансу отрицательный. Прописные русские пословицы: «С миру по нитке – бедному рубаха», «Мир по слюнке плюнет, так море», «Полено к полону – и дрова», «По капельке море, по воложке (былинке) стог, по зёрнышку ворох» и другие контактируют страховые заряды (смыслы).

Линию вертикальных взаимосвязей,

структурирующих общество в динамике, то есть во временном диапазоне жизни социальных субъектов, выражает социальная страховка, которую можно рассматривать и как политический институт общества, и как способ защиты преобразований. Тогда глобализация (не в её вульгарном проявлении как экспансии «золотого миллиарда») представляется перестраховочным институтом, структурирующим эти локальные пучки вертикальных взаимосвязей, которые проявляются в протоколах международных договоров. А они и есть суть страхового задела человечества.

Кредит и страховка проецируются друг на друга, формируя самих себя, развивая и дополняя.

Политика как социальный институт (а фактически – набор социальных институтов страхования и перестрахования) страхует горизонтальные кредитные отношения, которые выстраивают между собой социальные субъекты.

Различные примеры страховых проекций на текущие жизненные ситуации в государственном управлении в нашем описании и в реалиях практической философии представлены в различных видах: табеля о рангах, систем награждения, пенсионных накоплений, налоговых и других платежей. Эти примеры страховых конструкций мы артикулировали, чтобы читатели чётче могли осознать и представить себе вертикальные скрепы политического в обществе, дающие свой профиль реформ.

Классическое правило жизни общества – разделение властей – представляется простейшим примером страховки социальных горизонтальных связей, структурирующих общество. Социальные институты используют это правило, чтобы хоть как-то контролировать страховую жизнедеятельность общества. Правда, получается это не каждый раз; иногда случаются катаклизмы и революции различной этимологии.

В международных отношениях и политике кредитное поле выстраивалось такими страховыми и перестраховочными институтами, которые позволяли минимизировать риски техногенных катастроф и социальных конфликтов.

Корреспондентские отношения между государствами – это страховка различных социальных групп, а сами межгосударственные отношения являются перестраховочными инструментами, которые должны использоваться при возникновении различных катаклизмов. Такие перестраховочные механизмы предохраняют от того, чтобы действовало право сильного. Страховые суперпозиции можно назвать кредитным государ-

ством, которое конструирует страховку и перестраховку так, чтобы не нарушались социальные связи. Социальная страховка выстраивает законодательную базу, формирует резервную среду, накапливает средства для поддержания социальных связей.

Кредитология открывает путь к разрешению важнейшего вопроса современной практической философии – взаимоотношениям коллективного и индивидуального. Разрешение этого вопроса не только в теоретическом, но и в практическом плане увеличивает арсенал государственного строительства: мы понимаем, как связать его не только с банальным видением абстрактного большинства или меньшинства в обществе и производных от них диктатур, суверенитетов, движений и прочих конструкций-формаций, а с соединениями, описываемыми более сложными философскими категориями. Такие соединения влекут за собой потребность выстраивать страховые институты, страхующие социальные взаимодействия между различными социальными стратами, а это уже – область политического, описывающего генезис государственного строительства.

Социальные состояния в мире существуют в той мере, в какой работают кредитные механизмы, вносящие порядок в социальный хаос и запускающие социальное обустройство и переустройство. Эти механизмы работают не только в теоретическом плане, но и в плане практической философии государственного строительства. В обществе нечто устраивается само собой в виде кредитной целостности; эта целостность обладает своей логикой, она несопоставима с логикой конечного человеческого разума. Поэтому перемазывание её и преобразование на основании неминуемо конечных измерений, которые в состоянии дать разум, могут привести к весьма нежелательным последствиям. Они и порождают современную социальную алхимию в виде нереализуемых программ и лозунгов, в виде превращенных форм реформирования или в виде господствующей сверхреальности, которая на самом деле оказывается феноменом не существования социального кредита. И раз кредитное допущение положено в основу социального опыта, так сказать, с математической точностью, то это предположение приобретает статус достоверного знания.

Указанную метрическую многомерную геометрию социального мира мы строим не просто на языке чистой математики, а на языке математической логики (развитие которой связано с исследованием философских принципов математики у Бертрانا Рассела и Луи Кутюра), соотнося

эти установки с разработками практической философии.

Кредит, рассмотренный философски, представляет собой структурный синтез как минимум трёх субстанций – общения, деятельности и ответственности. К этому синтезу приводит некий дополнительный элемент, представляющий собой такую ценностную категорию, как доверие: *Fides facit fidem* (доверие рождает доверие). А само доверие, как говорил Мераб Мамардашвили, есть всегда результат метафизического выбора, ибо для него нет и не может быть эмпирических причин и оснований. В этом смысле, кредит имеет, своего рода, сверхопытные, социально универсальные основания.

Пространство кредитных отношений, которыми человек владеет и которые может реально практиковать в процессе договорных отношений, – это социальное пространство. А сами договорённости и есть основа социальных взаимодействий, реформаторских интенций.

Не только определение, но и осмысление кредитного эйдоса – задача чрезвычайно сложная. Кредит как искусство социального измерения присутствует в социальном и культурном полях, он предстаёт как способ построения социального единства, включая и количественное единство. Можно сказать, перефразируя Гуссерля, что кредит предстаёт перед философом, который ещё не знал социальной геометрии кредита, но которого мы должны помыслить, как её изобретателя [1, с.384]. То есть, кредит предстаёт перед философским сознанием как нечто, содержащее в своей основе инвариантность социальных предметов относительно групп экономических, юридических, культурных преобразований, предстаёт изобретателем самой социальной инвариантности.

Открытая нами «геометрия социального мира» подсказывает, как мастерится кредитный мир.

Результатом проведённых нами исследований является разработка теории кредитной природы формирования политических, экономических и правовых отношений в обществе. Отсюда следует также концепция денег как категории социального права.

В предложенной концепции впервые раскрыты социальные причины исторической эволюции денежных форм, а также выявлены социально-политический смысл денежной власти и социально-политическое значение монополизации денежной эмиссии. Доказано, что обесценение денег важно рассматривать как выражение

крупных диспропорций в системе формирования и распределения прав и обязанностей в государстве и обществе, разного рода реформаторских иллюзий. Это обесценение свидетельствует об отсутствии социальной культуры полноценных кредитных отношений, а также - необходимых условий для их развития.

Нами определены условия рационального взаимодействия и оптимизации функций «политической» и «денежной» властей. Эта система призвана отражать саму процессуальную субстанциональность денег, каковой является развитие социальности.

Итак, государственную власть и власть денег необходимо:

- рассматривать как производные от естественно возникающих кредитных отношений в обществе, от его ценностных ориентиров;
- давать оценку знаний, полученных в социо-гуманитарных науках, с точки зрения кредитных процессов;
- выявлять условия возможности адекватного государственного регулирования, взвешенных реформ.

Значение и смысл, существующих в государстве законов, а также направлений деятельности органов государственной власти различных уровней целесообразно анализировать и оценивать, прежде всего, сквозь призму их соответствия задачам социально полноценного страхования и поддержания полноценных общественных кредитных отношений.

Балансы взаимодействия между людьми, кредитные отношения, которые и формируют общество, как уже подчеркивалось, выстраивают связь индивидуального и коллективного. И сама система страховки или то, что принято называть государственным устройством, закрепляет эту связь индивидуального и коллективного. Коллективно страхуется тот индивидуальный субъект, который входит с положительным или с отрицательным балансом по отношению к обществу; не смотря на это различие, он всё равно страхуется, конечно, в разной степени.

Мы оставляем вне поля нашего зрения многое из того, чем занимаются те, кто анализирует преобразования, сосредоточившись главным образом на понятии социального кредита как инструмента подхода к ним. Реформаторам всегда хочется «как лучше», а получается «как всегда», поскольку модели реформирования государственного устройства не до конца адекватно прописаны.

Основная задача при планировании или

обсуждении тех или иных реформ – понимание того, что мы, собственно, вкладываем в понятия социальных субъектов, объектов реформаторской деятельности.

Многие сегодняшние рассуждения о том, что мы ищем смыслы российской государственности, ищем свой путь, выглядят достаточно незрелыми. Мы до бесконечности будем искать свой путь, пока не поймем, в рамках какой модели мы собираемся его искать. Это как с физикой или с математикой: если у нас есть линейная модель, то мы получаем одни результаты, но всегда возникают нюансы, которые в неё не вкладываются, а разрешаются в моделях другого класса.

Разрабатывая теорию социального кредита, мы специально подчеркиваем, что любые взаимоотношения в обществе носят кредитный, доверительный характер; не опускаясь до *кредита* как экономического инструмента, они представляют собой более глубокую социальную позицию.

В этой связи, важно дать и по-настоящему современное прочтение учения о соотношении социального кредита и денежной реформы: анализ основных его мотивов сосредоточен на проблемах, которые стали ключевыми уже давно. Денежная реформа (*monetary reform*) и социальные кредиты внутренне переплетены, поскольку предполагают наличие свободных от долгов или чистых денег, выпущенных непосредственно из казначейства, а не получение «свежих» денег от Центрального банка в форме процентных облигаций. Это обычная схема, описываемая экономистами и банкирами. Но за этой схемой стоит более универсальная схема, имеющая непосредственное отношение к описанию кредитного статуса общества.

Дело в том, что кредитная система пронизывает всю систему реформирования общества, поскольку первая способна удерживать неоднородное в социальной реальности, осуществляя синтез нового и старого без каких-либо предзаданных условий формирования узлов социальных связей. Сама кредитная находка – это всегда какое-то новое преобразование, реформаторская спонтанность. Вне кредитных усилий под вопросом оказывается совокупность конкретных сингулярностей мира, то есть появление социального мира как такового.

Здесь важно иметь в виду схему необеспеченности кредитного разума, пронизывающую весь круг социальных размышлений. Речь идет об особом беспокойстве разума, которое охватывает

нас в тот момент, когда мы не можем больше положиться на экономически очевидное и вынуждены воссоздавать какие-то более совершенные структуры из своих способностей и связей, оказываясь тем самым частью техники кредита.

Речь идет о прагматике кредитной деятельности и ее теоретическом осмыслении. Мы исходим из широкого понимания кредитной практики человечества во всех ее формах.

Многочисленные экспериментальные и теоретические исследования в социальных и гуманитарных науках посвящены анализу реформирования государства, тому, как этот процесс воспринимается в сознании общества. Но до сих пор не выявлено, что понятие «государство» предполагает конструирование схем состояния, изменения, реформирования, процесса, движения, пространства, времени, причинности, самоидентифицированности кредитной деятельности. Это конструирование осуществляется на основе определенных структур, действий и операций, которые сами преобразуются и развиваются по внутренней логике, посредством процессов ассимиляции и адаптации человеческой деятельности к социальному миру.

Соотношение кредитного и государственного институтов имеет длинную и непростую историю. Нередко, кредитные устои использовались во имя укрепления абсолютистского государства, которое нуждалось в кредитной элите, способной вести государственные дела, создавать реформаторские проекты и отстаивать государственные интересы и законы. Даже кредитные реформы были еще одним способом, посредством которого абсолютистское государство объединяло и расширяло свою власть. Но это были узкопонятые реформы. Ведь, кредит – не только способ государственного устройства. Кредит – это и есть репетиция всей социальности.

Здесь важна постановка проблемы – были ли у первобытных племен такие системы организации, чтобы мы могли говорить об их конституировании как кредитных сообществ, или, по крайней мере, как о зачатках кредитной активности людей, формирующих государства? Всё, естественно, зависит от смысла, придаваемого самому термину «кредит». Смысл, который придают ему экономисты, не совпадает с тем, какой он имеет у социологов, правоведов и культурологов. Обнаруживаются ли у более примитивных народов структурные эквиваленты основных кредитных явлений, типичных для более сложных обществ? Как литература существовала до изобретения письменности, как возникали формы семьи, которые,

как небо от земли, отличаются от современного идеала постоянной и легальной моногамии, так же могут развиваться народы с кредитными ценностями, радикально отличающимися от наших, и со способами их поддержания, столь же сильно отличными от привычных нам.

Но как кредитные реалии соотносятся с такими характеристиками государства, как его размер, суверенитет, территориальные узы и так далее? Так, например, суверенитет характеризуется в научных исследованиях как отличительный признак современного государства. Само государство «приняло на себя функции монопольной политической координации. Государство правит, издает законы и затем принуждает к их исполнению. Такого государства... не существовало в древности. Содружество не было сосредоточено в едином суверенном органе, который неизмеримо выше каждого отдельного индивидуума и отмеряет каждому его долю прав.

Вследствие этого, необходимые политические элементы, которые всегда присутствовали в любом человеческом обществе, были распределены между формациями, которые мы теперь рассматриваем с точки зрения частного права: церквями, местными органами, кланами» [4, с.93].

Новые теоретические проблемы в аппарате социального знания раскрываются в полной мере в наши дни, когда интеллектуальное сообщество столкнулось с необходимостью общесоциологической концептуализации мира, в котором утратили надежность прежние устои и механизмы социального существования и взаимодействия между государствами, обозначились новые вызовы для теории государства, а также прежде немислимые формы политического опыта.

Социальный феномен государства есть ключевое образование современной политики. Он часто рассматривается как необходимая структура для поддержания сложных обществ. Однако в рамках политической литературы трудно прийти к консенсусу относительно государства, природы его реформаторских установок.

Теоретики, придерживающиеся разных точек зрения, не могут выражать свое согласие по большинству важных вопросов, которые мы могли бы задать: Что такое государство? Что оно делает? Как это организовано? Кто им управляет и его реформирует?

Одна из целей настоящей статьи – отразить широкое разнообразие представлений о современном государстве как кредитном институте, способствующем его успешным реформам, а также создать новую методологию его исследования.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer).
The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гуссерль Э. *Начало геометрии*. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.
2. Лоуи Р. *Происхождение государства*. М.: Дело, 2023. 128 с.
3. Менделеев Д. И. *Заветные мысли*. М.: Мысль, 1995. 413 с.
4. Vinogradoff P. *Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. 1*. London: Oxford University Press, 1920.

328 p.

References:

1. Husserl E. *The beginning of geometry*. M.: Ad Marginem, 1996. 269 p.
2. Lowy R. *The origin of the state*. M.: Delo, 2023. 128 p.
3. Mendeleev D. I. *Cherished thoughts*. M.: Mysl, 1995. 413 p.
4. Vinogradoff P. *Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. 1*. London: Oxford University Press, 1920.

328 p.

Информация об авторе:

Мартыненко Владимир Владимирович, главный научный сотрудник Объединённого центра социологии и экономики знания Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Электронная почта: contacts@martyntenko.info

Vladimir V. Martynenko, Chief Researcher of the Joint Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Federal Research Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.